

«СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ» ШАРЛЯ ФУРЬЕ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

И. И. Зильберфарб

Из всех предшественников научного социализма Шарль Фурье заслуживает особенного внимания исследователя-историка. Не только по своеобразию формы литературного творчества, но и по глубине и оригинальности мыслей он выделяется среди других представителей домарковского социализма; у него, как отметил Энгельс, имеется то, чего нет у других социалистов-утопистов, а именно — «научное изыскание, трезвое, смелое, систематическое мышление, короче — социальная философия...»¹.

Сам Фурье себя философом не считал и питал отвращение к философии, которую он относил к лженаукам, созданным лишь с целью оправдать существующий порочный общественный строй. Этим лженаукам он противопоставлял подлинные науки, образец которых видел в науках математических. Он признавал необходимым создать по образцу математических наук «социальную науку», которая распространила бы общие научные взгляды на область общественных явлений. Фурье сделал попытку, хотя и несовершенную, подойти к объяснению общественных явлений с позиций научного мышления. Как известно, подлинно научное объяснение этих явлений дали только Маркс и Энгельс. Но Фурье был одним из тех, кто в широком плане поставил эту важную задачу и сделал выдающийся вклад в развитие научной мысли. Именно в этом заключается смысл данной Энгельсом оценки его учения как социальной философии².

Оставляя в стороне полемическую и апологетическую литературу о Фурье и фурьеризме, литературу довольно обширную, но научного значения не имеющую, первой серьезной попыткой исследовать идеи Фурье следует признать опубликованные в 40-х годах прошлого столетия работы Лоренца фон Штейна о социализме и коммунизме. За ними последовали на протяжении минувшего с тех пор времени десятки сочинений по истории социализма, истории утопий, истории философских, социальных, экономических, политических и педагогических идей, а также истории литературы. Все эти работы, в каждой из которых Фурье и его идеям отведено более или менее заметное место, представляют некоторую ценность благодаря приведенному в них фактическому материалу; но содержащий-

* В настоящей статье рассматриваются только важнейшие задачи, стоящие перед историческим исследованием идейного наследия Фурье. Автор не ставит себе целью изложить учение Фурье в целом или какую-либо его часть, выяснить все его исторические корни, полностью и конкретно раскрыть его роль в развитии социалистической мысли, представить исчерпывающий обзор литературы о Фурье и фурьеризме.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II. 1-е изд., стр. 395.

² Хотя эта оценка заключается в одной из ранних статей Энгельса, написанной еще до того, как полностью сложились его историко-материалистические взгляды, она является, тем не менее, правильной. Все то, что писали в дальнейшем Маркс и Энгельс о Фурье, не только не опровергает, но, наоборот, лишь подкрепляет эту оценку. Она несколько не исключает критики недостатков учения Фурье: одно внутреннее противоречие его — сохранение частной собственности и нетрудового дохода, а тем самым и «Бастилию принудительного труда на более либеральной основе» — указано в той же статье Энгельса (там же, стр. 396).

ся в них анализ и соответствующие выводы имеют ограниченное научное значение. Отсутствие у буржуазных исследователей общего понимания истории социалистических идей в ее тесной связи с историей освободительной борьбы рабочего класса, а нередко и нескрываемая антисоциалистическая и антипролетарская тенденциозность этих исследователей неизбежно приводили их к искажению исторической перспективы и к связанным с этим ошибкам общего и частного порядка.

Имеется также немало монографий, специально посвященных Фурье и фурьеризму. Крупнейшая из них — докторская диссертация Юбера Буржена³, которая основана на обширном литературном и архивном материале, изученном с большой тщательностью и дающем солидное основание для некоторых выводов относительно процесса формирования идей Фурье и последующего их влияния на развитие общественной мысли, в особенности различных социалистических направлений. Но недостатки методологии ее автора привели к тому, что основные вопросы изучения Фурье не получают здесь полного правильного разрешения: не выявляется специфика учения Фурье как своеобразной социальной философии, в известной мере продолжающей линию французского материализма XVIII в. и содержащей предвосхищение многих идей, впоследствии научно обоснованных Марксом и Энгельсом; проблема генезиса учения Фурье разрешена здесь лишь частично; совершенно неправильно определена роль Фурье в истории социалистической мысли. Что касается других монографий о Фурье, то они в большей своей части представляют собой лишь более или менее добросовестное изложение его идей с некоторыми попытками их анализа. Среди них приближаются к верному историческому анализу идейного наследия Фурье работы Н. В. Водовозова, К. Аш (Моргенрот)⁴ и др., но и они не раскрывают должным образом путь его становления и его роль в развитии социалистической мысли.

Наконец, имеется около двух десятков работ, посвященных отдельным аспектам или отдельным частям учения Фурье. Значительная, если не большая часть этих сочинений написана с явной тенденцией использовать специально подобранные высказывания Фурье для пропаганды тех или иных мелкобуржуазно-реформистских идей. С научной точки зрения такие работы существенного значения не имеют, хотя отдельные фактические данные, приводимые в них, могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Лишь единичные из этих работ, как, например, очерк Ю. Буржена об источниках Фурье, работа М. Лансака о методологических и социальных концепциях Фурье и М. Фридберга о влиянии учения Фурье на социальное движение во Франции, исследование Э. Кордеро о социально-педагогических идеях Фурье⁵ и немногие другие, имеют известную научную ценность.

В общем, несмотря на значительный объем написанного о Фурье и изучение большого фактического материала (правда, «Социетарные архивы» в Париже до сих пор надлежащим образом не разработаны), утверждать, что проблемы генезиса учения Фурье и его исторического значения достаточно исследованы и полностью разрешены, нет оснований. Буржуазные авторы, писавшие о Фурье, находясь на неверных методологических позициях, обнаруживают свою научную несостоятель-

³ Hubert Bourgin. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme français. Paris. 1905.

⁴ Н. В. Водовозов. Фурье. Опыт критического обзора его учения. «Русская мысль». 1892, № 9; «Историческое обозрение». Т. X. СПб. 1899; е го же. Шарль Фурье. 3-е изд. М.-Пг. 1923; К. Аш. Die Lehre Charles Fouriers. Jena und München. 1914; К. Morgenroth (K. Asch). Charles Fourier und der Sozialismus. Berlin. 1921.

⁵ H. Bourgin. Etudes sur les sources de Fourier. Paris. 1905; M. Lansac. Les conceptions méthodologiques et sociales de Charles Fourier. Leur influence. Paris. 1926; M. Friedberg. L'influence de Charles Fourier sur le mouvement social contemporain en France. Paris. 1926; E. Cordero. Carlo Fourier e il suo tentativo di educazione sociale. Milano. 1929.

ность, а в ряде случаев сознательно фальсифицируют историю социалистических идей.

Путь к правильному разрешению важнейших проблем, связанных с изучением идейного наследия Фурье, указан основоположниками научного коммунизма. Маркс и Энгельс впервые дали общую научную оценку этому наследию в целом: они выявили исторически обусловленный утопический его характер и некоторые специфические его недостатки (в частности и в особенности сохранение нетрудового дохода в плане общества будущего), в то же время отметив наиболее существенные и ценные элементы творения этого великого социалиста-утописта, определили его место в истории социалистических идей. И хотя ни Маркс, ни Энгельс не написали специальной работы о нем, в различных их сочинениях и письмах рассеяно столько высказываний о Фурье и фурьеризме, что в совокупности они дают достаточно многосторонний анализ его учения и представляют собой самое значительное из всего, что сделано в направлении изучения идей этого представителя раннего социализма.

Маркс и Энгельс дали достойную отповедь клеветникам, пытавшимся использовать фантастику Фурье как предлог для дискредитирования его социального учения. При этом они раскрыли истинный смысл этой фантастики, отнеся сочинения Фурье к социальным романам, проникнутым подлинно поэтическим духом, и указав на творческую особенность автора в характеристике их как «математической поэмы». Они подчеркнули, что, если оставить в стороне фантастику и мистику, в качестве сущности творения Фурье останется его социальная философия, генетически связанная с прогрессивной философией французских материалистов XVIII в. и выявляющая блестящую диалектику Фурье и историзм в его взглядах на развитие человечества. Маркс и Энгельс особенно высоко оценили данную Фурье многостороннюю критику строя буржуазной цивилизации, обратили внимание на то, что, доказывая необходимость смены этого строя более совершенным общественным порядком, Фурье обосновал выгоды ассоциации, а в своем плане будущего сосредоточил внимание на человеке и его деятельности, прежде всего деятельности производственной. Они отмечали также глубину психологического подхода Фурье к проблемам личности и общества, его ценные идеи о труде как естественной потребности человека, об общественном воспитании целостного человека, члена свободного трудового коллектива, и другие положительные элементы его учения. Маркс и Энгельс указывали вместе с тем на слабости и недостатки его учения, обусловленные особенностями исторической эпохи, а отчасти и непоследовательностью этого мыслителя.

Историки-марксисты направили свои усилия на конкретизацию в исследовательском плане того, что было намечено Марксом и Энгельсом в их высказываниях о Фурье и его учении. В дооктябрьский период единственной специальной работой о Фурье, написанной автором-марксистом, была книга Августа Бебеля⁶. После Октябрьской революции больше всего сделали в области изучения идейного наследия Фурье советские историки: много внимания уделялось ему в общих курсах по истории социализма (особенно В. П. Волгиным⁷) и в изданиях текстов предшественников научного социализма (среди них — академическое издание избранных сочинений Фурье⁸), кроме того, появились специальные работы о Фурье, написанные А. И. Анекштейном (Арк. А-ном)⁹,

⁶ A. Bebel. Charles Fourier. Sein Leben und seine Theorien. Stuttgart. 1888.

⁷ В. П. Волгин. История социалистических идей. Ч. II. М.-Л. 1931, стр. 35—67.

⁸ Шарль Фурье. Избранные сочинения. Перевод с французского и комментарии И. И. Зильберфарба. Вступительная статья В. П. Волгина. 4 тома. М.-Л. 1951—1954.

⁹ Арк. А-н. Шарль Фурье, его личность, учение и социальная система. М. 1922; его же. Элементы диалектического и экономического материализма в воззрениях Ш. Фурье. «Под знаменем марксизма». 1924, № 3; его же. Трудовая школа у Ш. Фурье. «Под знаменем марксизма». 1924, № 6—7; его же. О социалистическом соревновании у Ш. Фурье. «Революция и культура». 1929, № 16.

В. П. Волгиным¹⁰, И. И. Зильберфарбом¹¹, А. Р. Иоаннисяном¹², Я. Л. Харрапинским¹³ и др. За рубежами Советского Союза вышли в свет работы о Фурье Ф. Армана и Р. Моблана¹⁴.

Приходится, однако, признать, что в работах исследователей-марксистов о Фурье не всегда должным образом учитываются положения Маркса и Энгельса. Больше того, в некоторых из них можно обнаружить существенные отступления от подхода основоположников научного коммунизма к изучению Фурье.

Прежде всего следует отметить, что некоторые исследователи настолько были увлечены положительным ядром учения Фурье, что не выявляли достаточным образом его слабости и недостатки. Таковы, например, книга Августа Бебеля и работы развивавшего его взгляды на Фурье А. И. Анекштейна, который особенно выпячивал некоторые прогрессивные идеи и планы Фурье, как бы предвосхищающие идеи научного социализма и мероприятия советского общества. Та же тенденция заметна в коллективных работах Ф. Армана и Р. Моблана и в появившейся после войны книжке Ф. Армана о Фурье. Понятно, что модернизация идей Фурье чужда подлинной науке и свидетельствует об упрощенном, механистическом, а не диалектическом понимании преемственности в развитии идей, о недостаточном раскрытии принципиального отличия в известной мере сходных положений утопического социализма и социализма научного, утопических планов Фурье и достижений реального планирования советского социалистического государства.

В противоположную крайность впали те авторы, которые нигилистически отнеслись к преемственной связи научного социализма с социализмом утопическим. Говоря о великих социалистах-утопистах, они оставляли без внимания именно те части их идейного наследия, которые определили их значение как предшественников научного социализма. Эти взгляды в той или иной степени отражены в подготовлявшемся в 1947 г. Институтом философии АН СССР новым издании «Истории философии», в Большой Советской Энциклопедии (статья «Социализм», т. 52. 1-е изд.), в ряде учебных пособий («Диалектический материализм», «История политических идей» и др.), в статьях, печатавшихся на страницах «Вопросов философии», «Философских записок» и других изданий, а также в некоторых диссертациях¹⁵. Даже если оставить в стороне нелепые домыслы и грубое утрирование слабостей, недостатков и ошибок утопических социалистов, простое игнорирование всего положительного, что имеется в их учениях, недопустимо. При таком подходе нельзя представить историческую картину прогрессивного развития идей, строить же историю идей как бессвязный ряд заблуждений, почему-то заканчивающийся ничем не подготовленным, внезапным открытием истины, чем-то вроде чудесного открытия, было бы просто карикатурой на науку. В этой связи стоит напомнить мудрые слова Энгельса: «Человек, который судит о каждом философе не по тому, что тот вносит в науку, не по про-

¹⁰ В. П. Волгин. Социологические взгляды Фурье. «Очерки по истории социализма». 4-е изд. М.-Л. 1935, стр. 317—356; его же. Система Фурье. Вступительная статья к «Избранным сочинениям» Фурье. Т. 1. М. 1951, стр. 5—79.

¹¹ И. Зильберфарб. Шарль Фурье. «Советская педагогика». 1937, № 3; его же. Патриарх социализма. «Фронт науки и техники». 1937, № 10; его же. Гениальный мечтатель. «Красная новь». 1937, № 12; его же. Педагогические идеи Шарля Фурье. Вводная статья к книге «Шарль Фурье. О воспитании при строе гармонии». М. 1939, стр. 5—46; его же. Шарль Фурье (биографический очерк). «Избранные сочинения» Шарля Фурье. Т. IV. М. 1954, стр. 433—451.

¹² А. Р. Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье. М. 1939; его же. Шарль Фурье. Ереван. 1941.

¹³ Я. Л. Харрапинский. Социально-философские воззрения Фурье. Вятка. 1927.

¹⁴ F. Armand et R. Maublanc. Fourier. 2 vol. Paris. 1937; и х же. Charles Fourier. Paris. 1937; Fourier. Textes choisis. Préface, commentaires et notes explicatives par Félix Armand. Paris. 1953.

¹⁵ См. «Вопросы истории». 1955, № 3. Передовая статья.

грессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было неизбежно преходящим, реакционным, ...такой человек лучше бы молчал»¹⁶.

Возникает вопрос, на чем же должен историк социализма преимущественно сосредоточить свою исследовательскую работу, когда он подходит к изучению Фурье.

Виднейший советский историк социализма В. П. Волгин никогда не называет Фурье социалистом и видит в нем только «великого утописта», социальная теория которого, «при всех ее мелкобуржуазных чертах, оказала значительное влияние на развитие социалистической мысли XIX века»¹⁷. Он считает, что рассматривать главным образом наиболее прочное, наиболее долговечное в системе Фурье — значит освещать его идеи «не в той перспективе, в какой они располагались в системе самого Фурье, а в перспективе, которая привносится исследователем». Придерживаясь такого мнения, В. П. Волгин в своем очерке «Социологические взгляды Фурье» поставил своей задачей «лишь восстановление взглядов Фурье на социальную науку, ее предмет, метод и основные выводы»¹⁸. В связи с этим, сосредоточив свое внимание на общей философии Фурье и не вдаваясь в изучение функциональной и исторической роли тех или иных ее компонентов, он представил эту философию как основанную «на наиболее отсталом, наиболее близком к традиции мистико-философском течении XVIII века, восходящем своими истоками к средневековой философии и к Каббале»¹⁹.

Конечно, нет и не может быть никаких сомнений в том, что полное и всестороннее изучение литературного наследства Фурье, восстановление подлинных взглядов Фурье в той перспективе, в какой они располагались в самой его системе, составляют первую задачу исследователя. Однако это лишь подготовительный шаг к тому, что является основной целью историка, — к выяснению того, какова была историческая роль этих идей, что именно из них оказалось наиболее долговечным, исторически значимым, а потому и заслуживает преимущественного внимания. Именно поэтому Маркс и Энгельс, несмотря на наличие в учении Фурье и несоциалистических элементов, видели в этом мыслителе одного из «основателей социализма», «патриархов социализма», а не просто великого утописта и обращали внимание именно на те его идеи, которые получили позднее научное обоснование в теории научного коммунизма. Характеристика, данная Марксом и Энгельсом Фурье, вытекает из их общего подхода к мыслителям прошлого, из необходимости судить о каждом из них «по тому, что тот вносит в науку», «по прогрессивному, что было в его деятельности». Такого же взгляда придерживался и Ленин, о чем свидетельствуют его слова, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»²⁰.

Вот почему достойно сожаления, что советский историк А. Р. Иоаннисян посвятил большой и тщательно выполненный труд не социалистическому ядру учения Фурье, а второстепенному элементу его учения — плану возможной, но нежелательной, с точки зрения Фурье, переходной эпохи и относящимся к последней проектам полуассоциаций и простых ассоциаций. В этой работе подлинный общественный идеал Фурье — свободная трудовая ассоциация всеобъемлющего «гармонизма» — отодвигается на задний план как, по мнению А. Р. Иоаннисяна, хорошо известный и

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 328.

¹⁷ В. П. Волгин. Система Фурье. Вступительная статья к «Избранным сочинениям» Шарля Фурье. Т. I. М. 1951, стр. 74—77.

¹⁸ В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. 4-е изд. М.-Л. 1935, стр. 318—319.

¹⁹ Там же, стр. 356.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 166.

изученный. Автор подробно рассматривает лишь «наиболее жизненные», по его словам, проекты учреждений «гарантизма», который, как кое-где признает и сам А. Р. Иоаннисян, вопреки общему замыслу своей книги, никогда не был идеалом Фурье, а предусмотрен им лишь на «худой конец», на тот случай, если бы не удался желательный и возможный, с его точки зрения, скачок непосредственно к «строю гармонии».

Нельзя, конечно, оспаривать право исследователя выбирать любую тему для своей работы. Но нам представляется, что преимущественного внимания заслуживает основное, исторически наиболее значимое в учении данного выразителя ранней социалистической мысли. Гораздо меньше смысла вдаваться в подробное рассмотрение второстепенных и не имеющих исторического значения сторон этого учения. И совсем уж не стоит, на наш взгляд, заниматься в плане истории социалистических идей (а здесь речь идет ведь о рассмотрении литературного наследства Фурье именно и только в этом плане) специальным исследованием фантастики и мистики, которых немало в произведениях Фурье. Историк социализма имеет основание поступать здесь так, как поступает историк математических наук, который, подготавливая, например, исследование о вкладе Кеплера в развитие науки, подробно рассматривает выдвинутые им математические законы астрономии, не разбирая при этом стоящих вне науки его рассуждений об ангелах, якобы руководящих планетами; или, скажем, подготавливая монографию о Ньюtone как ученом, историк науки тщательно анализирует созданные ему бессмертное имя математические начала, но оставляет в стороне его лишнюю всякого научного значения апокалиптическую мистику. Для понимания «социетарной теории» Фурье его фантастика и мистика так же не имеют существенного значения, как не имеют значения для понимания научных теорий названных великих ученых фантастические и мистические плоды их литературного творчества.

Отнюдь не игнорируя, а отмечая с достаточной определенностью все фантастическое, мистическое, подчас вздорное, нелепое и реакционное, что имеется у Фурье, его рассуждения об аналогии, психогонии, космогонии и прочие измышления его странного ума, целесообразно сосредоточить внимание на социальной философии Фурье, особенно на том из нее, что было удержано Марксом и Энгельсом в процессе революционного создания теории научного коммунизма²¹ и тем самым приобрело наибольшую историческую значимость²².

При этом исследователь должен показать, что имеющиеся в сочинениях Фурье предвосхищения тех или иных положений, которые получили впоследствии научное обоснование в учении Маркса и Энгельса, являются собой только известное сходство с этими положениями теории научного коммунизма, но отнюдь не тождественны с ними. Те или иные высказывания Фурье, которые на первый взгляд кажутся совпадающими с отдельными высказываниями классиков научного социализма, при более глубоком рассмотрении оказываются коренным образом отличными, и в этом принципиальном отличии одно из выражений той великой революции, какую в развитии социалистической мысли знаменовало появление марксизма.

²¹ Мы имеем в виду «удержание положительного» при диалектическом отрицании, понимаемом «как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» (В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат. 1947, стр. 197).

²² Классики марксизма учат нас именно так подходить к тому, что создал Фурье. Кратко сказав о фантастике и прочих недостатках в незрелых теориях, созданных «основателями социализма», Ф. Энгельс писал: «Отметив этот факт, мы уже не будем на нем останавливаться, так как эта сторона вопроса отошла в область истории. Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти смешные фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филистеры» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 512).

Обращаясь к исследованию социальной философии Фурье, историк прежде всего ставит перед собой вопрос о ее происхождении и пути ее формирования.

В литературе по истории социалистических идей довольно распространено поверхностное отношение к изучению процесса становления той или иной системы. Исследователи часто рассматривают совокупность идей того или другого социалистического мыслителя как некую законченную систему и ограничиваются выявлением ее исторической обусловленности в целом на общем фоне социальной действительности соответствующей страны в соответствующее время, не останавливаясь на этапах формирования этой системы. Что касается корней ее составных частей и отдельных ее положений, то их обычно ищут главным образом в других системах идей путем сравнительно литературных сопоставлений. Между тем важно показать, что известные нам системы социализма возникали не сразу как таковые, в законченном своем виде, что отдельные их составные части и важнейшие положения под влиянием конкретной исторической действительности возникали, видоизменялись и объединялись в одно целое. Все это необходимо самым тщательным образом изучить во всех подробностях, отнюдь не ограничиваясь общей характеристикой «фона» в качестве формальной предпосылки к общему же изложению «системы».

Недостаточное внимание многих исследователей к выявлению этапов становления учения Фурье и к выяснению реальных исторических обстоятельств его формирования имело свои объективные причины. Дело в том, что все положения, определяющие систему Фурье — признание несостоятельности прежних философских и политических систем, провозглашение необходимости новой «социальной науки», утверждение «притяжения по страсти» основой социального движения, разоблачение существующего строя «цивилизации» как строя несправедливого, неразумного и невыгодного, указание на преходящий характер этого строя и возвешение грядущего строя «гармонии» — мы встречаем уже в одной из ранних его статей, напечатанной в 1803 году²³.

К тому же многие составные части и положения системы Фурье, как то: представление об историческом развитии человечества, учение о человеке и социальных факторах его формирования, идея «притяжения страстей», взгляд на счастье как возможность свободного и полного развития страстей, указание на ассоциацию как путь ко всеобщему благосостоянию и ряд других — напоминают те или иные идеи Лейбница и Кондорсе, Дидро, Ретифа и Кондильяка, Руссо, Морелли и Мабли, Рабле, Листонаэ, Мерсье и других писателей, выступавших задолго до него. Некоторые общеполитические взгляды Фурье — представление о единстве мироздания, космогоническая концепция, теория аналогий, идея о провиденциальном порядке и всемирной гармонии — кое в чем совпадают с идеями Сведенборга, Дюпон-де-Немура, Бернардена де Сен-Пьера и других мистиков XVIII в., а также Сен-Мартэна, Ретифа де-ла-Бретонна, Шеллинга и др. Отсюда очень легко (и многие писавшие о Фурье так и поступили) «вывести» воззрения Фурье из этих литературных источников и утверждать, что на этой именно основе Фурье и создал свою систему и что последняя была законченной уже в самом начале его литературной деятельности.

Однако выполненное Ю. Бурженом и некоторыми другими историками конкретное исследование обстоятельств жизни и творчества Фурье показывает, что его теория вовсе не возникла сразу как цельная система на основе изучения литературы, а складывалась постепенно, дополнялась и исправлялась в результате преимущественно знакомства Фурье с экономической, социальной и политической действительностью Фран-

²³ «Harmonie universelle». «Bulletin de Lyon», 11 frimaire, an XII.

пии (в частности и в особенности Лиона) и других стран на протяжении последних лет XVIII в. и первых трех с половиной десятилетий XIX в.; литературные же влияния на этого мыслителя были весьма ограниченными и большей частью не непосредственными²⁴.

Ф. Энгельс писал: «Фурье строит себе будущее, после того как верно познал прошлое и современность»²⁵. К этой мысли — о реальных исторических корнях идей Фурье — приближался и Мишле. «Кто сделал Фурье? — писал Мишле. — Ни Ланж, ни Бабеф. Лион — единственный предшественник Фурье»²⁶. Действительно, Лион в годы революции и послереволюционный Лион в наибольшей мере сосредоточил почти все характерные для этих периодов процессы жизни страны. Этот город был для Фурье своего рода творческой лабораторией. Если тщательно изучить под этим углом зрения лионскую действительность того времени и дополнительно изучить то, что было предметом наблюдений Фурье в других местностях Франции, а также Германии и Нидерландов, можно представить с большой степенью ясности и достоверности не только общий путь формирования идей Фурье, но и важнейшие этапы становления его учения.

То, что было сделано до сих пор в отношении исследования пути и этапов формирования учения Фурье, недостаточно по охвату проблемы, а кое в чем не может удовлетворить нас и по существу. Так, например, выводы А. Р. Иоаннисяна о приоритете проектов рудиментарных ассоциативных учреждений в творчестве Фурье недостаточно обоснованы и коренным образом противоречат таким фактам, как то, что свой общественный идеал — строй гармонии — Фурье провозгласил уже в 1803 г. (в статье «Всемирная гармония»), тогда как идея возможного, но отнюдь не желательного, на его взгляд, строя гарантий и относящиеся к «гарантизму» планы частичных ассоциативных учреждений возникли позднее. Что же касается обширного материала, который привлек в своем исследовании А. Р. Иоаннисян (главным образом данные о различных проявлениях ассоциационизма во Франции XVIII столетия и о ассоциативных и натурфилософских идеях Ретифа де-ла-Бретонна), то он, сам по себе чрезвычайно интересный, дает относительно мало для конкретного выяснения вопроса о генезисе и этапах формирования социальной философии Фурье в целом и, в частности, его социетарного плана.

Поскольку Фурье жил в эпоху, когда капиталистический строй и пролетариат были еще слабо развиты, он, как и другие авторы теорий раннего социализма, вынужден был прибегать к вымыслу при конструировании элементов нового общества, о котором он мечтал. Контуры последнего еще не вырисовывались ясно в недрах современного ему общества, как не определилась еще и роль носителя будущего общества — пролетариата. При таких условиях присущая Фурье склонность к фантазированию получила особенно широкое развитие.

Фантастика, столь характерная для произведений Фурье, должна быть рассматриваема, как особенность философских романов, разновидностью которых являются эти произведения, во многом напоминающие философские романы XVII—XVIII веков. Повидимому, это — литератур-

²⁴ Мы отсылаем читателя к сжатому обзору творческого пути великого социалиста-утописта, написанному на основании продленного автором специального исследования и напечатанному в комментариях к «Избранным сочинениям» Фурье, изданным Академией наук СССР (т. IV, стр. 433—451). Более детальных и более уточненных результатов можно было бы достигнуть в этом направлении, если бы представилась возможность привлечь для специального исследования генезиса идей Фурье его рукописный архив, в частности переписку, равно как и более обширные данные по локальной истории. Есть основания полагать, что в архивах Фурье и его близких друзей (особенно Мюирона) заключено немало важных высказываний Фурье, не ставших предметом исследования.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 86.

²⁶ Это замечание Мишле, сообщенное Габриэлем Моно, приведено Жоресом. Jean Jaures. La Convention. T. I. Paris. 1903, p. 328.

ное явление такого же порядка, что и фантастика в «Путешествиях Гулливера» Свифта, в «Разбойниках» Шиллера, «Годах учения и странствования Вильгельма Мейстера» Гете, в «Замкнутом государстве» Фихте, во французских социальных романах и других подобных произведениях мировой литературы того времени. Фантастика, равно как и странное внешнее оформление сочинений Фурье и всякие иные его экстравагантности, была пущена им в ход, по его собственному признанию, с целью утверждения своей авторской оригинальности и привлечения читательской публики. Возможно, что в использовании их сказались и соображения рекламы, поскольку Фурье как работник торговли был хорошо знаком с психологическим влиянием такого рода приемов.

Тупым ненавистникам всякой новой мысли, издевавшимся над фантастическими картинами будущего, Фурье отвечал словами Буало, что «правда может иногда не быть правдоподобной»²⁷. И когда журналисты-злопыхатели упражнялись в окарικатуривании некоторых плодов его творческого вымысла (в частности, его фантастического описания «солярицев»), он высмеивал их как «неспособных к изобретательству «фельетонистов»²⁸. Космогонические и прочие чудачества, которых особенно много в его «Теории четырех движений», Фурье позднее назвал «очень странными кусками», «причудливыми побочными элементами» (II, Supplément, 89—90), отмечая, что «это — не стиль науки, там полно галиматши» (I, II); а издатели книги писали, что «это был пробный шар, попытка пробудить внимание и позондировать расположение публики» (I, II). Фурье подчеркнул незначительность этих фантастических элементов и несвязанность с ними существа его социального учения, «главного дела». «Но какое значение,— говорил он,— имеют эти мелочи для главного дела, заключающегося в искусстве организовать согласованное хозяйствование, из которого рождаются учетверение продукции, добрые нравы, согласие трех классов общества — богатого, среднего и бедного, забвение партийных раздоров, прекращение бедствий, революций, безденежья казны,— народится всеобщее единство. Клеветники сами выдают себя, когда нападают на меня из-за новых наук — космогонии, психогонии, аналогии, которые стоят вне теории согласованной организации хозяйствования»²⁹. Он готов был допустить, что вся его космогоническая и прочая фантастика, стоящая вне «социетарной теории», неверна, и не придавал ей существенного значения, но решительно отстаивал «настоящее золото» — свою «социальную науку». «Я придерживаюсь резкого тона в отношении моей науки,— заявлял он,— но уступлю по поводу всякой другой» (FI, II, 814).

Фурье подчеркивал, что только «метод для ассоциирования неравенств и учетверения продукции путем применения страстей, характеров и инстинктов в том виде, как их дает природа», — «вот единственный пункт, на котором должно быть сосредоточено внимание, а не на науках, которые лишь объявлены»³⁰.

Многое из этой фантастики Фурье истолковал как своеобразный литературный прием, к которому прибегал, желая сделать свои сочинения занимательными. Так, например, к главе «Теории четырех движений» о фантастическом «северном венце» Фурье дал примечание, в котором эта глава характеризуется как «более любопытная, чем необхо-

²⁷ Oeuvres complètes de Charles Fourier. T. I. Paris. 1841—1845, p. 270. В дальнейшем ссылки на это издание мы будем давать в тексте статьи, обозначая при этом только том (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

²⁸ «La fausse industrie morcelée, répugnante, mensongère et l'antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique, donnant quadruple produit. 2 vol. Paris. 1835—1836. T. II, p. 5. Ссылки на это произведение в тексте статьи будут обозначаться FI с указанием тома и страницы.

²⁹ См. L. Reubaud. Etudes sur les réformateurs et socialistes modernes. T. I. Paris. 1856, p. 192.

³⁰ См. там же.

димая» (I, 62); а в заметке, опубликованной накануне его смерти, говорил о названной книге в целом как о «маскараде, заключающемся в методическом нарушении правил, в скороспелых и несвоевременных сообщениях и прочих причудах изысков»³¹. Наконец, уже после смерти Фурье были обнаружены заметки, в которых он указывал, что нападки буржуазных критиков — «доказательство того, что они не умеют ничего выдумывать. Солярийцы. Принимают образное в буквальном смысле. Амазонка — сахарная река, изменившееся море»³². Из этих слов, бесспорно, явствует, что «солярийцев» Фурье приводит как пример существ не реальных, а вымышленных, изменение же вкуса речных и морских вод — как художественный образ.

Фурье упорно придерживался своего литературного стиля. Не друзья увещевали его отказаться от оригинальничания и писать так, как пишут общепризнанные писатели. Но он отвергал эти просьбы. «В деле открытия, затрагивающего большие государственные интересы, — говорил Фурье, — сущность следует ставить впереди формы»³³.

Фантастика Фурье, как и всякая социальная фантастика и, в частности, фантастика утопических социалистов и коммунистов конца XVIII и первых десятилетий XIX в., обусловлена в основном, конечно, обстоятельствами исторического порядка³⁴. В той же конкретной форме, в какой эта исторически обусловленная фантастика утопического социализма нашла свое выражение у Фурье, она отражает и индивидуальные особенности его творчества: стремление к научной, по возможности математической точности в сочетании с художественной образностью, поэтической выразительностью и сатирической остротой. Космология Фурье, в которой она особенно проявилась, может быть правильно понята лишь как своеобразная проекция во вселенную его социального учения. Нечто подобное мы видим и в его «теологии», где Фурье использовал известные религиозно-философские построения для продвижения пантеистических и сенсуалистических, порою материалистических идей о вселенной и человечестве, для критики существующего строя «цивилизации» и для обоснования исторической необходимости более высокого общественного строя, строя гармонии, и его соответствия «требованиям природы».

Атеистом Фурье себя никогда не признавал, наоборот, он нередко и с большой резкостью нападал на атеизм; но в то же время он был далек от подлинной религиозности. Хотя свой план «нового мира» он выдавал за «божественный», а себя самого объявлял скромным провозвестником «воли божией», хотя почти все высказывания этого мыслителя поданы в религиозно-мистической оболочке, его видимая религиозность совершенно чужда религии церкви, с которой он в жизни своей не имел ничего общего, к которой питал отвращение и против которой часто восставал с большой решительностью³⁵. Фурье отвергал не только требования церкви, но и всякие религиозные воззрения, лишаящие человека свободы воли, равно как и христианскую мораль самоотречения и аскетизма и ряд других первооснов религии, хотя открыто от религии не отказывался. Подобно тому, как он сохранял в плане будущего общества иерархию «верховных властей», вводя даже дополнительно к су-

³¹ Ch. Fourier. La Phalange, l'Entretien, p. 206; M. L a n s a c. Les conceptions méthodologiques et sociales de Charles Fourier. Paris. 1926, p. 9.

³² См. M. L a n s a c. Указ. соч., стр. 2—3.

³³ «Encyclopédie socialiste». Vol. I. Paris. 1912, p. 171—172.

³⁴ «Это фантастическое описание будущего общества, — как разъяснили авторы «Манифеста Коммунистической партии», — возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. Т. 4. 2-е изд., стр. 456).

³⁵ «Publication des manuscrits de Ch. Fourier». 1852, p. 78. Ссылки на это издание в тексте статьи будут обозначаться РМ с указанием года и страницы.

шествующим огромное множество новых высоких званий и титулов (хотя и лишенных какого-либо реального значения) в надежде таким путем заручиться поддержкой сильных мира сего и использовать в интересах общества людскую склонность к тщеславию, так же он, повидимому, рассчитывал, сохраняя религию и духовенство (тоже без каких-либо реальных функций), обеспечить возможность поддержки «социетарного плана» людьми верующими.

Сохраняя бога и религию, Фурье давал им совершенно своеобразную интерпретацию. Христианство он рассматривал не как нечто неизменное, содержащее откровение вечных и непререкаемых истин, а как некую совокупность нравственных идей, которые видоизменяются, приспосабливаясь в каждый исторический период к уровню хозяйственного развития общества. В ходе развития производства, с достижением благодаря крупной промышленности возможности обеспечить изобилие для всех, христианство, по мнению Фурье, должно перейти с позиций аскетизма на противоположные позиции (FI, II, 510). В связи с этим он утверждал, что в современных исторических условиях противодействие страстям, подавление их — это «противное богу кощунство», а создание общественного строя, обеспечивающего свободное применение страстей и наслаждение для всех, — это и есть осуществление возвещенного Иисусом Христом «царства божия»³⁶.

В произведениях Фурье бог представляется то антропоморфным, наделенным человеческими страстями, подобно богам античного мира (эта антропоморфизация распространяется у Фурье на всю природу), то неким триединством, напоминающим христианскую троицу. Но, по сути, ничего общего с богом какой бы то ни было религии этот бог не имеет. В «теологии» (вернее, натурфилософии) Фурье бог — это только выражение единства мироздания, цель которого — гармония (II, 150; VI, 208). Бог, или дух, по его учению, — это одно из трех извечных, несокрушимых и неотменимых начал природы, начало активное и движущее; вторым ее несотворенным началом, пассивным и движимым, является материя; третье начало — математика, или справедливость, начало нейтральное, жизненный регулятор движения, выражающий закономерное отношение между двумя первыми началами (I, 46; III, 265). При этом дух и материя нераздельны, а математические закономерности, определяющие их движение, от них неотделимы — тем самым все три начала сблизуют триединство природы. Бог Фурье действует отнюдь не по своему произволу, а подчиняясь определенным, твердым и неизменным математическим законам, от него не зависящим, и, будучи одним из начал природы, сливается с ней в высшем единстве мироздания (I, 31; V, 470). В своих действиях, определенных закономерностью движения в природе и обществе, фурьеров бог имеет целью привести человека к счастью как его социальному назначению через ассоциацию, построенную на основе «притяжения по страсти» (I, 237; II, 71). Но этот бог непосредственно в жизнь человека не вмешивается, не навязывает ему свою волю, а предоставляет человеку свободу действовать в соответствии с природой или противно природе, содействуя или противодействуя общему ходу развития (III, 241, 268, 293, 343; VI, 86).

Поскольку бог и природа составляют однозначное единство, вера в бога, по Фурье, означает не что иное, как неограниченное доверие к природе; поскольку же угодный богу порядок — это порядок, соответствующий требованиям природы, человек должен постигнуть божественные законы, познавая природу и ее законы, чтобы на основе такого познания, действуя в соответствии с требованиями бога-природы, осуществить несущий ему счастье новый, природосообразный общественный строй, строй ассоциации, строй свободного коллективного труда, строй

³⁶ См. Ch. Pellarin. Charles Fourier. Sa vie et sa théorie. Paris. 1843, p. 231.

гармонии. Путь к такому познанию — не старое религиозное откровение, а «новая социальная наука», ведущая к «социальному откровению» (VI, 361). Наука, которою открыты законы не только материального притяжения, но и «притяжения по страсти», обладает, по Фурье, ключом к судьбам вселенной и человечества. Отныне, полагал он, в мире нет ничего, что не поддается научному познанию, и наука, обладающая безграничными возможностями познания, основанная на познании «божественной воли», то есть познания всех закономерностей природы, становится всемогущей.

Фурье создавал себе такого бога и строил такую метафизическую систему, какие были ему нужны для оправдания и освящения «изобретенного» им плана переустройства человеческого общества. Метафизика Фурье — это космологическое расширение концепции фаланстера, а его религия, приписывающая богу такие атрибуты, как руководство движением при помощи притяжения, экономию движущих сил, распределительную справедливость, всеобщность провидения и единство системы (III, 245, 266, 345; IV, 389; V, 352, 377), — это лишь мистическая оболочка для учения о коренном преобразовании общества на началах свободного притяжения страстей, экономии социальной энергии, справедливого распределения благ, социального планирования, всеобщего единения человечества.

Как видно из изложенного, идеалистическая в своей основе метафизика Фурье, отчасти напоминающая деистические и пантеистические учения, но совершенно своеобразная, в сущности, была проникнута верой во всемогущество рационального научного познания. Она сочеталась с научными идеями, в которых имеются элементы монизма, детерминизма, материализма, диалектики. Напрашивается предположение, что своеобразная религиозно-мистическая оболочка, в которой Фурье преподнес свое мировоззрение, была создана, как до него деистическая и пантеистическая метафизика ряда других выдающихся прогрессивных мыслителей и деятелей (вплоть до Руссо, Робеспьера и Бабефа), для того, чтобы придать предлагаемой социальной теории форму, приемлемую для широких кругов современников.

Примечательно, что, представляя свое социальное учение под такой религиозно-мистической оболочкой, Фурье не считал возможным навязывать ее сторонникам этого учения и говорил, что предоставляет каждому из них «иметь свои мнения по вопросам религии, не споря о них и не заявляя об этом»³⁷, ибо не религию, а науку он выдвигал в качестве путеводителя к переустройству общества (VI, 361). В своем плане грядущего строя гармонии он не отводил никакой роли ни церкви, ни религии. Естественно поэтому, что многие передовые люди Франции и других стран, принимая основные идеи социального учения Фурье, отбрасывали религиозно-мистическую оболочку этого учения. Нет ничего удивительного и в том, что религиозная внешность произведений Фурье не обманула отцов католической церкви: энциклика папы Григория XVI от 22 сентября 1836 г. осудила его учение, сочинения его были включены Ватиканом в *Index librorum prohibitorum*, а клирическая пресса подняла кампанию против его «материалистической ереси» и против самого «ересиарха».

Идейное содержание литературного наследия Фурье, освобожденное от его фантастически-мистической оболочки, раскрывает сущность социальной философии этого мыслителя, которая, несмотря на идеалистическую основу, представляет собой во многом продолжение и дальнейшее развитие идей французских материалистов XVIII в., содержит в себе элементы диалектики. Определяющими особенностями социальной философии Фурье является, с одной стороны, историзм в понимании разви-

³⁷ См. там же, стр. 269.

тия человеческого общества, с другой — своеобразный сенсуалистический психологизм.

В отличие от рационалистической и естественно-правовой философии XVIII в. социальная философия Фурье, хотя и сохраняющая некоторые элементы рационализма и естественно-правовых воззрений, представляет собой попытку проникнуть в будущее путем анализа предшествующего хода человеческой истории и разрешить проблему человека и общества на основе анализа действительности. Признание уровня организации материального производства определяющим признаком каждого исторического периода (I, 11); указание на то, что «воздействие едва заметных средств производства» является силой, которая пролагает путь общественному прогрессу и определяет движение человеческих обществ во всем, вплоть до их «религиозных и политических вершушек»³⁸; установление закономерной смены каждого периода другим в процессе исторического развития человечества; указание, что внутри каждого периода созревают предпосылки перехода к следующему (PM 1851, 312); утверждение об исторической необходимости перехода каждого исторического периода в высший, в частности, перехода от существующего строя буржуазной «цивилизации» к «социетарной гармонии» (VI, 418); многосторонняя критика «цивилизации», раскрывающая ее противоречия и в то же время отмечающая создание при этом строе материальных предпосылок строя гармонии, созревание элементов, которые ведут к этому новому хозяйственному и общественному строю, строю ассоциации (VI, 9), — такие предвосхищения некоторых положений исторического материализма мы встречаем в социально-исторической концепции Фурье. Но в своих основах его мировоззрение не было материалистическим, и это сказалось и на его взглядах на развитие человеческих обществ, хотя в этих взглядах преобладала идеалистическая основа. В связи с незрелостью капиталистического общества того времени и оторванностью самого Фурье от развивавшегося освободительного движения трудящихся он не смог прийти и до понимания необходимости классовой борьбы пролетариата и совершения под руководством этого класса социальной революции как предпосылки осуществления нового строя.

Следуя традициям естественно-правовой философии предшествующего века, Фурье хотел обосновать свой социальный идеал, доказывая природосообразность грядущего общественного строя, соответствие его природе человека. Отсюда психологический стержень социальной философии Фурье, связанный с его общей психологистической натурфилософией, в которой находит яркое выражение устремленная в будущее оптимистическая телеология этого мыслителя. Историзм и психологизм сочетаются у Фурье в утверждении, что ход исторического развития ведет человечество к такому именно общественному строю, где жизнь человека и общества станет природосообразной, соответствующей «страстям», их психическим движущим силам.

В своих размышлениях о человеке и вселенной, лежащих в основе «теории всемирного единства», Фурье пришел к своеобразному механистическому мировоззрению, в котором крайний идеализм переплетается с выражениями материализма, подчас весьма вульгарного. Однако и в своем учении о «страстях» Фурье, исходя из своей исторической концепции, выявляет специфически человеческое в психологии личности: ее социально-историческую и производственно-трудовую обусловленность. Психологическая теория «страстей» Фурье, если отвлечься от некоторых фантастических выражений ее, — это психология общественного человека-производственника, психология трудового коллектива, служащая для обоснования исторически необходимого грядущего общественного строя.

Даже при первом знакомстве с учением Фурье о страстях бросается

³⁸ См. там же. стр. 515.

в глаза, что оно разработано именно применительно к свободному труду и быту в свободном коллективе, именно с целью обосновать выдвигаемый творцом социетарной теории план свободной трудовой ассоциации. Принципы организации труда — «компактность», «кратковременные сеансы» и «парцеллярная деятельность» в «сериях по страсти» — обосновываются у Фурье психологически требованием применения и развития трех «распределительных страстей» (IV, 412; VI, 54, 66, 77). Сами «серии» организуются по его плану так, чтобы осуществлять «контрастность», «сопряженность» и «переменность» в соответствии с тремя страстями — «кабалистой», «композицией» и «папийонной» (V, 316): в силу действия этих регулирующих страстей они должны, по мысли Фурье, быть соревнующимися, увлекающимися и внутренне сцепленными (III, 22; VI, 50). Только в обосновании такого плана свободной общественной организации труда и заключается смысл социально-психологического учения Фурье, согласно которому ведущими тремя страстями (психическими движущими силами) являются страсть к творчеству (композиция), страсть к перемене (папийонна) и страсть к соперничеству (кабалиста), а высшей страстью — страсть к единству (унитеизм).

Человек всегда в центре внимания Фурье. Человек и природа, человек и вселенная, человек и общество, человек и его интересы, человек и его влечения, человек и его труд, человек и его счастье — таковы основные проблемы, которые Фурье ставил перед собой всегда, на всем своем творческом пути — и в историко-аналитической, и в социально-критической, и в конструктивной части своего учения. Человек, по представлению Фурье, — частица вселенной, но частица активная, не только испытывающая на себе влияние природы, но и сама на нее влияющая; и поскольку от характера деятельности человека и от упорядоченности или неупорядоченности человеческих обществ зависит характер воздействия человека на природу, постольку состояние вселенной отражает «действие людских страстей в общественном порядке», «картину человеческих страстей» (I, 47, 59, 423, 430; II, Suppl., 180).

Историческая точка зрения Фурье позволяла ему часто в некоторой степени преодолевать идеалистические пережитки в трактовке человека, рассматривая явления человеческой психики диалектически, в зависимости от исторических условий общественного бытия человека и его производственно-трудовой деятельности (I, 262, прим. 2). Восприняв некоторые идеи французских материалистов, Фурье вслед за Гельвецием сумел уйти вперед от статического материализма в трактовке человека: полагая, что присущие человеку от природы страсти неизменны, он в то же время устанавливал, что направление их действия, проявляющееся в поведении человека, изменяется в зависимости от строя общества на различных ступенях его исторического развития (I, 262, 294), и тем самым приходил к признанию изменчивости поведения человека, как и изменчивости социальной среды при постоянной их взаимосвязи. Он доказывал, что корень общественных зол не в «природном несовершенстве» человека, а в порочности общественного строя, замена которого иным, более совершенным повлечет за собой и соответствующее изменение поведения человека. Если при строе «цивилизации», этом «мире наизворот», страсти человека подавляются и извращаются, развиваются «в обратном общем ходе», то есть в противном природе направлении (I, 124—125), то при грядущем строе гармонии будет установлен «прямой ход» человеческих страстей (I, 126). Это даст человеку возможность свободно выявлять и развивать их, устремляясь к «унитеизму», высшей страсти, влекущей личность к согласованию своего счастья со счастьем всего, что ее окружает, со счастьем всего человеческого рода (I, 116—117). Для обеспечения этой возможности необходимо создать строй богатства, свободы и справедливости для всего человечества, а таким строем может быть только строй ассоциации, строй свободного коллективного труда, осу-

шестьяющий чудеса богатства, здоровья и экономии (VI, 282—288). Именно труд, основное естественное право и основная естественная потребность человека, труд творческий, привлекательный и свободный, труд коллективный, труд как наслаждение создаст, по мысли Фурье, эти чудеса грядущего (I, 244, 288, 435; III, 14, 122; IV, 348; V, 178; VI, 22, 74). При строе гармонии найдет свое высшее выражение специфика человеческой психики — «общественно-трудовое предназначение человека» (I, 18).

Социальная философия Фурье в историческом плане показывала общественно-трудовую обусловленность деятельности человека и экономическую необходимость и выгоду трудовой ассоциации, организующей крупное согласованное производство с широким разделением труда; в плане же психологическом, в своем учении о «страстях», этой своеобразной психологии коллективного труда и быта, Фурье искал путеводную нить к «открытию» адекватной внутренней организации нового общества, к разрешению проблемы человека, к снятию «вечной» антиномии личного и общественного.

«Социетарный» план Фурье, построенный на основе его учения о механике «притяжения по страсти», имеет в виду использовать все многообразие личных интересов (даже самых эгоистических), наклонностей, характеров, темпераментов и других психологических и иных особенностей различных людей, в их совокупности, в интересах общества, в интересах организации свободного трудового коллектива с целью обеспечить богатство, благополучие и счастье для всех. Выработанные Фурье четыре условия образования «серии», основного свободного трудового объединения, — тесная связь членов коллектива, кратковременные и разнообразие рабочие сеансы, производственное притяжение и гарантии минимума благосостояния — должны, по его плану, обеспечить правильное использование индивидуальных «страстей» в коллективе, создавая прочную основу для контрастного состава последнего, для организации здорового соревнования его членов, для возбуждения и поддержания творческого энтузиазма и для укрепления внутренней связанности коллектива. Соответствующие же принципы организации труда имеют целью обеспечивать привлекательность и наивысшую продуктивность его. На основе того же социально-психологического «механизма» Фурье строил и планы организации более широких производственных объединений будущего, вплоть до огромных международных трудовых армий.

Социально-психологический «механизм» свободной производственно-трудовой ассоциации Фурье обосновывал не на каких-то идеалистических требованиях к человеку, а на реальных (материальных прежде всего) потребностях человека, выступая при этом против отказа от наслаждения жизнью, против опрощения, против ограничения человеческих потребностей, за полноценное счастье человека, заключающееся в возможности для каждого безотказно удовлетворять все свои бесконечно растущие потребности. Своим учением о «страстях» и основанным на нем «социетарным» планом Фурье опровергал эксплуататорский миф о «природной лени» человека и доказывал, что человек по природе своей — существо активное, творческое, производительное, что рационально организованный в коллективе свободный труд по влечению может и должен обеспечить полное удовлетворение общих потребностей. В этом «социетарном» плане разрешаются с точки зрения личности и общества одновременно такие первостепенной важности проблемы, как проблема сочетания умственного труда с физическим и теории с практикой, проблема устранения вредных последствий разделения труда, проблемы утомляемости, соревнования, производительности труда и другие. Многие из того, что при строе буржуазной «цивилизации» имеет глубоко отрицательный характер, вредный для личности и общества эффект, как, например, дробное разделение труда, интриги, соперничество, корыстолюбие

и т. п., согласно учению Фурье, может и должно дать противоположные результаты при «социетарной» организации.

Помимо искания путей к разрешению указанных выше проблем новой организации производства, у Фурье встречается в его фантазиях о будущем также новый подход к разрешению — на основе коренного преобразования производства — иных, не менее важных социальных и моральных проблем социализма, как проблемы уничтожения разрыва между городом и деревней, полного раскрепощения и реального равноправия женщины, утверждения свободы любви, свободного развития национальных культур в действенном всемирном объединении всех народов, ускорения темпов культурного роста масс, развития наук и искусств и утверждения социалистического гуманизма.

Социальная философия Фурье, в центре которой стоит человек со всеми его влечениями и потребностями, соответственно ставила и проблеме формирования нового человека как продукта нового общества и одновременно его созидателя. Разрешая эту проблему, Фурье, несмотря на свойственные ему противоречия между материалистическим реализмом и идеалистическим утопизмом, создал чрезвычайно своеобразную и глубоко продуманную социально-педагогическую систему, представляющую собой блестящую разработку важнейших идей социалистического воспитания. Поскольку строй гармонии создает единое, целостное общество, основан на высшей организации производства, исходящей из естественных влечений человека как общественника-производственника и обеспечивающей полное удовлетворение всех его потребностей, то и формирование целостного человека, всесторонне развитого члена этого нового общества, должно, по Фурье, определяться новой производственной, социально-трудовой системой.

Необходимо, наконец, остановиться на мало известных и нередко превратно представляемых взглядах Фурье по вопросу о путях к грядущему «строю гармонии». Подлинные взгляды Фурье по этому вопросу не могли быть им свободно выражены с достаточной полнотой и ясностью в подцензурных изданиях, которые он, по собственному его признанию, вынужден был сообразовывать с существовавшими при полицейско-монархических режимах требованиями (I, 101). Да и ученики его, мелкобуржуазно-реформистские эпигоны фурьеризма, при печатании его сочинений изымали из них все то, что могло бы задеть буржуазное общественное мнение³⁹. Даже после смерти Фурье было опубликовано далеко не все из его рукописного наследства. Но отдельные его замечания в прижизненно напечатанных сочинениях и некоторые выдержки из посмертно опубликованных рукописей, особенно из тетради, символически озаглавленной «Eleuthère» («Свободный»), позволяют с некоторым приближением установить взгляды Фурье по этому важнейшему вопросу.

Фурье всегда доказывал, что исправление и совершенствование существующего строя, излечение его пороков невозможно, что законы социального движения требуют «отвратиться от строя цивилизации, а не исправлять его» (PM, 1851, 311). Политику «получения кусочек за кусочком всех тех благ, которые следует ввести коллективно и одновременно путем ассоциации», он считал не только неэффективной, но и вредной, так как продиктованные такой политикой мероприятия, «поддерживая и подкрепляя общий порядок, лишь содействуют укреплению негодного социального строя в целом» (I, 416; II, 106; V, 294), ведут к увековечению этого разрушительного порядка (PM, 1851, 312). Фурье требовал решительного, одновременного и полного устранения всего существующего строя в целом, «выхода из строя цивилизации».

Рассматривая каждую общественную формацию как структурное

³⁹ Oeuvres complètes de Fourier. T. VI. Avertissement des éditeurs.

единство внутренне между собой сцепленных элементов, Фурье полагал, что введение в какой-либо общественный уклад любого элемента, принадлежащего к укладу, исторически более высокому, неизбежно должно повлечь скорый упадок отжившего строя в целом, взрыв его изнутри и переход к высшей ступени исторического развития. При этом, поскольку, по его представлению, «всякое общество несет в себе способность породить то, которое следует за ним» (РМ, 1851, 312), он видел в самом существующем «строе цивилизации» созревание предпосылок грядущего общественного строя. «Строй цивилизации,— писал он,— занимает в последовательном ряду ступеней движения важную роль, потому что именно он создает движущие силы, необходимые для того, чтобы направиться по пути к ассоциации: он создает крупное производство, высокие науки и изящные искусства. Следовало воспользоваться этими средствами, чтобы подняться выше по восходящим ступеням общественного развития» (VI, 9). Но пути использования этих средств, как и любых других элементов нового, развитие которых может и должно привести к такому историческому переходу, могут, по Фурье, быть различными и многочисленными (III, 132, 140; VI, 442).

Фурье полагал, что ход исторического развития сам по себе ведет «строй цивилизации» к неизбежной «естественной смерти»: это длительный процесс постепенного его угасания, прохождения через все ступени, в том числе через последнюю фазу периода «цивилизации», фазу «финансового феодализма», мирового господства монополий, которые уничтожат «торговую анархию», и первую фазу следующего исторического периода, «гарантизма». По мнению Фурье, этого наиболее длительного и наиболее тягостного пути человечество может избежать.

Прохождение человеческими обществами каждого исторического периода во всех его фазах Фурье не считал неизбежным. Он полагал, что по достижении апогея того или иного периода общество уже обладает необходимыми средствами для непосредственного перехода к следующему периоду. Поэтому прохождение нисходящих фаз, фаз упадка (хотя и упадка с моментами прогресса), оказывается вынужденным лишь в том случае, если данное общество неспособно использовать такую возможность «скачка». Отсюда признание возможности избежать упадочных фаз периода «цивилизации» — фаз господства монополий и «торгового феодализма».

Выжиданию «естественной смерти строя цивилизации» в процессе последовательного прохождения всех его фаз Фурье противопоставлял «закрытие» этого строя как путь наиболее краткий и легкий, верный и безболезненный: это полный и единовременный переход всего человечества от строя «цивилизации» к строю «гармонии», подготовляемый средствами убеждения — научным доказательством и опытной проверкой превосходства строя ассоциации⁴⁰. Но если на такой переход человечество не решится, он предусматривал различные другие возможности. В числе последних Фурье наиболее подробно рассмотрел возможность постепенного перехода к строю ассоциации через «режим гарантий», осуществляемый широкой организацией государственных сельскохозяйственных, промышленных и торговых предприятий. Однако этот путь, путь, за который, по словам автора «социетарной теории», «ухватятся умы робкие и умеренные», самого Фурье не привлекал. Он указывал, что на пути «гарантизма» может быть достигнуто только «умеренное счастье», да и то лишь спустя десятилетия тяжелых трудов, а конечная цель — «социетарная гармония» — лишь через столетия. Фурье заявлял, что он решительно против всякой умеренности.

Как противоположность «гарантистскому» эволюционизму Фурье считал возможным и путь принуждения насильем, поскольку «с такими

⁴⁰ «Manuscripts de Fourier. Des diverses issues de Civilisation». «La Phalange». Т. X. 1849, p. 189—190.

порочными и ограниченными умами, как люди строя цивилизации, рассчитанное подавление может стать движущей силой более разумной, чем призрак свободы, от которого не видать проявления какого-либо средства против страданий народов» (II, 455). И, ставя вопрос, «можно ли путем свободы привести человека строя цивилизации к мудрости», Фурье отвечал на этот вопрос отрицательно, отмечая, что человек этого строя — «существо без разума», которое «использует свободу только для того, чтобы становиться на сторону зла», а потому «ради его собственно-го блага надобно применить к нему средства принуждения» (II, 448).

Не следует думать, что Фурье был противником свободы и демократии, отнюдь нет: он лишь утверждал, что при строе «цивилизации» они являются иллюзорными, что они не могут быть путем к коренному преобразованию общества, а возникнут лишь как следствие его преобразования, ибо только строй гармонии обеспечит действительное осуществление свободы и демократии (I, 15; IV, 409).

Для скорейшего выхода из строя «цивилизации» Фурье считал допустимыми даже самые крайние меры. «Обращая внимание на некоторые из пороков политики,— писал он,— я не имею намерения указывать средства исправления... Необходимость провести стремительное нападение на торговцев и подавить их привела бы к порядку обеспечения производственной деятельности... и эта революция не была отдаленной... Всякая социальная летаргия является препятствием движению природы: она требует чрезмерности преступления или добродетелей, которые ведут к той же цели — смене социального периода... Торжество умеренности, которая держала бы в равновесии пороки и добродетели, увековечивало бы разрушительный порядок, как политическое равновесие держав увековечивает их войны. Следовательно, именно ради вашего блага, дабы быстро избавиться вас от строя цивилизации, природа благоприятствовала и благоприятствовала бы и в дальнейшем политическим или кровавым преступлениям, Неронам, Лоу, Робеспьерам» (PM, 1851, 311—312).

Возможность насильственного «закрытия строя цивилизации» имела, по Фурье, в годы Французской революции, когда, по его словам, «род человеческий подошел к своему освобождению, порядок цивилизации, варварства и дикости исчез бы навсегда», если бы не «политическая робость Конвента», который «сел на мель на виду порта» (PM, 1851, 313).

В одной из тетрадей Фурье, относящейся к 1803 г., мы находим следующую характеристику этой революции: «Первое из цивилизованных государств испровергло все проявления социального шарлатанства: трон, священство, феодальные отношения, биржевая игра — все рухнуло сразу. Казалось, что огромное тело народа собиралось очистить себя от всех иссушавших его язв. Это был Геркулес, с грохотом стряхивающий с себя подавляющее его Атласово бремя! Если б этот кризис не был запятнан предумышленными убийствами, это было бы достославной эпохой политики; но последняя не сумела изобрести социальный порядок, более высокий, чем строй цивилизации, который она разрушала. Социальное движение вырождалось в направлении строя варварства вместо того, чтобы подняться выше строя цивилизации, и человечество, после кровавых усилий, направленных к тому, чтобы порвать свои цепи, увидело, что цепи эти затянуты еще теснее» (PM, 1851, 312—313).

Фурье никогда не был революционером в общепринятом смысле этого слова, хотя принадлежал к числу тех основателей систем критически-утопического социализма, которые, по словам авторов «Манифеста Коммунистической партии», «были во многих отношениях революционны»⁴¹. Решительное осуждение противоречивого и бедственного для народа строя «цивилизации» сочеталось у него с отрицанием революционного насилия как пути к переустройству общества. Он видел «войну

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 456.

классов» в современном ему обществе, а в совершившейся на его глазах революции усматривал «войну бедного против богатого», но не понимал прогрессивного значения классовой борьбы в истории и роли созревшего нового класса — пролетариата — как носителя великого социального переворота, необходимость которого он сам возвещал. Разочарование в надеждах, возлагавшихся на Французскую революцию в плане социальном, утвердило Фурье, как и других социалистических мыслителей того времени, на позиции отрицания революционного пути к коренному переустройству общества. К тому же буржуазная среда, в которой он вырос и жил, ограничивала его политический кругозор, и он не остался чужд господствовавшему в этой среде после термидора враждебному отношению к революции вообще, а в особенности к ее кульминационному пункту — якобинской диктатуре.

Однако признание бесспорного факта отрицательного отношения Фурье к революционному насилию не должно закрывать нам глаза на то, что он был противником выжидания «естественной смерти строя цивилизации», равно как и постепенных реформ существующего строя и перехода к строю ассоциации путем «режима гарантий», путем, по его мнению, слишком длительным и тягостным. Фурье желал и верил в возможность краткого и легкого, верного и безболезненного скачка — решительного, полного и единовременного перехода всего человечества к строю гармонии, своего рода «мирной революции». Но сомнения в том, что человечество пойдет к светлому будущему именно таким путем, у него все же были, и мы не можем их игнорировать.

Вопрос об отношении Фурье к революционному насилию — вопрос чрезвычайно интересный и не столь простой, каким он представляется обычно. Пока нам известно еще далеко не все, что необходимо для полного и всестороннего его выяснения, и исследовательская работа в этом направлении (особенно по изучению архивов Фурье и современников, с которыми он общался) необходима и возможна⁴².

То, что уже известно в результате исторического исследования «социальной философии» Фурье, приводит к конечному выводу, что она при всех своих недостатках, обусловленных особенностями незрелой эпохи, а также социальной ограниченностью и непоследовательностью самого Фурье, в огромной мере обогатила передовую общественную мысль как в отношении общего взгляда на историю человечества, так и в отношении критики существующего строя общества, провидения высшего общественного строя, основанного на согласованном хозяйствовании и свободном коллективном труде, доказательства необходимости и возможности такого общественного строя и, наконец, выяснения путей к нему. Дальнейшая исследовательская работа по изучению того, что остается еще не выясненным или не до конца выясненным в отношении идейного наследия этого «патриарха социализма», — одна из задач нашей исторической науки.

⁴² Интересно, в частности, замечание итальянского историка Саитта о необходимости изучить связи некоторых идей Фурье с бабувистскими планами и с другими идеями, рождавшимися в ходе развития Французской революции (Armando Saitta Filippo Buonarroti. Vol. I. Roma. 1950, p. 131).